

РАЗДЕЛ I

«ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ»

И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Е. Н. Бекасова, г. Оренбург

КРЕЩЕНИЕ РУСИ В ЛЕТОПИСНОМ ИЗЛОЖЕНИИ (К 900-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего.

Н.М. Карамзин [Карамзин 1993: 7].

Проблема достоверности является важнейшей в оценке исторического произведения. Русское летописание в этом плане не представляет исключения. Особенно тщательной проверке подвергается самый значительных из дошедших до нас летописных сводов — «Повесть временных лет», описывающий мировую и русскую историю до 1113 г. С этого времени любая русская летопись вплоть до XVIII в. открывается созданием летописца Нестора, который за своё книжное подвижничество почитается как святой.

Некоторые противоречия и «тёмные места» летописного текста у современного племени дилетантов создают впечатление «политического заказа», «подтасовки фактов», а некорректные исследователи подогревают нездоровый интерес к «искажению истины» и «ангажированности» летописцев. Однако объективность летописной реальности, которая сама по себе, как утверждал Д.С. Лихачев, «является как бы частью подлинной действительности того времени» [Лихачев 1996: 358], может рассматриваться в соответствующих исторических координатах с поправкой на времена и нравы. С этой точки зрения величественный и насквозь пронизанный достоинством и любовью к русской земле и значимый на протяжении многих

веков памятник трудно дискредитировать, хотя, безусловно, летописные тексты и их своды подвергались определённой правке и поновлениям. Но кропотливый труд летописцев далёк от того размаха подчисток и замалчиваний, искажений и «переоборотов» (А.С. Пушкин), каких достигли впоследствии «фальшивоисторики», отзываясь на запросы власть предержащих и звонкую монету.

Гениальное чутье А.С. Пушкина предоставляет нам возможность всмотреться в образ русского летописца. И несмотря на то, что Пимен работал в других исторических условиях, нежели Нестор, он, как и все его предшественники, в полной мере осознаёт, что его *«труд усердный, безымянный»* является исполнением *«долга, завещанного от бога Мне, грешному»* — *«Недаром многих лет Свидетелем господь меня поставил И книжному искусству вразумил»* [Пушкин 1993: 428]. Полное отсутствие личных амбиций, минимальный индивидуализм и восприятие летописания как боговдохновенного дела определяют ответственность летописца прежде всего перед своим же потомком-летописцем — *«монахом трудолюбивым»*, который, *«пыль веков от хартий отряхнув, Правдивые сказанья перепишет, Да ведают потомки православных Земли родной минушую судьбу, Своих царей великих поминают, За их труды, за славу, за добро — А за грехи, за тёмные деянья Спасителя смиренно умоляют»*. Он и своим саном (*«Тогда уж и меня Сподобил бог уразуметь ничтожность Мирских сует»*) [Пушкин 1993: 431], и знанием, и восприятием мира поднят над мелочностью синоминутных страстей: *«Минувшее проходит предо мною — давно ль оно неслось, событий полно. Волнуясь как море-окиян? Теперь оно безмолвно и спокойно»* [Там же].

Ментальность древнерусского человека отличалась от современной, тем более это относится к книжникам-летописцам такого уровня, как Иларион, Никон, Нестор, Сильвестр и др., «чтущих» прошлое и с достоинством верящих в великое будущее своей земли. Ибо и время было другое — Русь входила в новый христианский мир, пропитываясь культурой великих народов и высокими религиозно-нравственными ценностями, принятыми открытым — без лукавства и выгод — сердцем, сдобренными Верой и пониманием, что *«лепо бе благодати и истине на новы люди воссияти»* [Ил: 38].

Н.М. Карамзин, «первый наш историк и последний летописец» [Пушкин 1994: 191], «смотрел в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением» [Карамзин 1993: 9] и был убеждён в истинности сведений своих предшественников: *«История не терпит вымыслов, изображая что есть или было, а не что быть могло. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях (выделено нами — Е.Б.)»* [Там же]. С этим положением Н.М. Карамзина согласен А.С. Пушкин, утверждая, что «ценой истории» являются «действия и характеры» [Пушкин 1994: 148]. Отвергая укоренившееся в обществе «невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частые поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему» [Пушкин 1994: 327], и Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин уверены: «правило государственной нравственности ... ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» [Карамзин 1993: 9], «уважение к именам, освященным славою, не есть подлость, но первый признак ума просвещенного» [Пушкин 1994: 191] и лишь «дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» [Пушкин 1994: 215].

Однако в «добросовестный рассказ», «нравственные размышления и иноческую простоту» летописца [Пушкин 1994: 191] нередко врывается вымысел и проникали отклонения от фактической реальности. Причиной этого были и легендарная составляющая летописи, и сказания старины глубокой, и свидетельства очевидцев великих событий, передающих своё, нередко субъективное представление, и давление современного момента, и преобразования в

политической и общественной жизни, и каноническая истинность средневекового источника, небесспорного с современной точки зрения, и великая граница, отсекающая языческое прошлое от христианского просвещения и книжности... Всё это не только не опровергает исторической основательности и значимости летописи, но усиливает её: сама летопись творила историю, потому что «народ с жадностью внимал сказаниям летописцев» [Карамзин 1993: 6]. Как верно подметил Н.М. Карамзин, это обусловлено особенностью подхода к истории: летописцы в своём кропотливом труде, в том числе и редактировании текста «смотрели единственно на время», а не «на свойства и связь деяний», как современные историки [Карамзин 1993: 11]. Время определяло для летописца и реальность события, и его значимость, и его последствия. Время было тем оселком, на котором заострялась реальность, направленная в будущее. Оно могло высветить то главное, на чём должна выстраиваться новая реальность, чем должны жить новые люди, отсеяв плевелы, не отказавшись от негодного бывшего. В сбывшемся было *так*, но время требует созидать, извлекая уроки из свершившегося и свершенного. И летописец в своих записях по годам устремлялся к соединению слова и дела, веря, что слово может воплощаться в новом деле нового времени. В этом плане объективность летописца, поддерживаемая стыдом и совестью, направляемая Богом, была самой высокой пробы, а летописи, как считает выдающийся исследователь древнерусского летописания А.А. Шахматов, «вполне достоверные исторические источники» [Шахматов 2001: 378]. И тем не менее, в самом значительном летописном своде имеются нарушения логики изложения фактов и разночтения даже в повествовании о величайшем событии — Крещении Руси, легшим, как доказал А.А. Шахматов, в основу древнейших летописей.

По А.А. Шахматову, который с безупречной убедительностью реконструирует события крещения в древней версии, князь Владимир крестился под воздействием убедительных речей пришедшего в Киев в 886 году греческого философа, вероятно, Киеве или Василеве. Но в «Повести временных лет» это подаётся как *«се же не сведуще право, глаголють»* [ПВЛ: 50], и в «правой» определяется иная версия, которая «находит себе опору не в народных воспоминаниях, не в устных преданиях и церковных легендах, а в книжной, искусственной комбинации» [Шахматов 2001: 115]. В этом летописном своде князь Владимир, готовый было уже встать *«одесную»* с Богом, медлит — *«”Пожду и еще мало”, хотя испытати о всех верах»* [ПВЛ: 48], посылая только на следующий год 10 «испытателей» вер, в итоге крестившихся в Царьграде и объяснивших свой порыв не только красотой византийского обряда, но и принятием там же православия княгиней Ольгой, бабкой князя Владимира, которая *«бе мудреиши всех человекъ»* [ПВЛ: 49]. *«Мужи добры и смыслены»* были убедительны — было решено принять крещение, *«где любо»* Владимиру. Но он не только не торопится становиться христианином, но и в следующем, 988 году, идёт войной на византийский город Корсунь. Именно введение в поздние летописные своды «второй половины или даже последней четверти XI в.» [Шахматов 2001: 102] Корсуньской легенды обусловило нелогичность и растянутость окончательного текста летописного повествования, но при этом соединились «факт крещения Владимира с фактом победы над греками» [Шахматов 2001: 116] и устранилось неприемлемое для летописца-христианина завоевание уже крещённым Владимиром христианского города. Для изложения вариации Крещения Руси, «уклонившейся от исторической действительности», важным становится и значимость события, и слияние «в одно разновременных событий, придавших единство тому, что на самом деле такого единства не имело» [Шахматов 2001: 102].

Сам факт крещения Руси и резкого поворота к новой религии Владимира представляется явлением до сих пор духовно-таинственным и закрытым завесой времени даже для первых летописцев. Митрополит Иларион в своём знаменитом «Слове о Законе и Благодати» (1037–1050 гг.) над гробом Владимира вопрошал: *«Како верова? Како разгореса въ любовь ко Христу? Како въселился въ тя разум выше разума земляныхъ мудрець?... Како взиска Христа, како предася ему? Повеждь нам, рабомъ твоимъ, повеждь же, учителю нашъ! <...>*

Дивное чудо» [Ил: 46]. Известный историк русской церкви А.В. Карташев феномен крещения сладострастного язычника, только что принесшего двух христиан в жертву своим идолам, также считает проявлением чуда перерождения сильной и широкой натуры в поисках света и мира — «воссиявший в сердце его разум» помог войти в святую купель [Карташев 1993: 110–117], что созвучно выводам Илариона: «Съвлече же ся убо каганъ нашъ и с ризами ветхааго человека, съложи тленна, отрясе прахъ неверия и вълезе въ святую купель» [Ил: 44].

Следует согласиться с А.А. Шахматовым, что «чудесные события, приведшие Русь к крещению, будили фантазию, давали пищу поэтическому творчеству» [Шахматов 2001: 102]. Летописцам необходимо было осмыслить, как «*Володимеръ же просвещень самъ, и сынове его, и земля его*» [ПВЛ: 54], соединить эти события, затуманенные временем, политическими намерениями и государственными тайнами, овеванными чудом просвещения верой и книжностью, в *со-бытие*, значимое и знаменательное для потомков.

И в «Повести временных лет» в качестве объясняющего корсуньскую осаду разрабатывается мотив добывания Владимиром невесты династии гордых Порфириогенитов — единственных истинных императоров вселенной. Видимо, это было продолжением притязаний ещё легендарной Ольги, в гениальном своём промысле пожелавшей «выйти из черного тела варваров» [Карташев 1993: 99], снискав невесту семьи византийских василевсов своему сыну Святославу, но императорский двор показал «глухоту и слепоту к христианским возможностям нового великого народа» [Карташев 1993: 101]. Владимир, выполняя завет своей бабки, берёт реванш, заставив силой вернуть долг византийских императоров Василия и Константина за помощь в подавлении восстания Варды Фоки. Родство с сестрой византийских императоров «открывало надежды на получение от Византии всех благ и секретов от первенствующей во всём мире культуре и прочного вхождения проснувшегося русского варвара в круг равноправных членов христианской семьи народов» [Карташев 1993: 116].

Однако справедливость притязаний Владимира не вписывалась в благостную картину реального христианского князя, подобного великому Константину, — «*се есть новый Константинъ великого Рима*» [ПВЛ: 58], — «*как тот с матерью своей Еленой веру утвердил по всему миру, так и Владимир со своей бабкой Ольгой веру утвердил по земле своей*» [Ил: 48]. Так и возникла новая, но чрезвычайно важная для будущего Руси версия сказания о начале христианства на Руси, о причинах которой А.А. Шахматов писал: «Я не сомневаюсь в том, что великое событие это сосредотачивало на себе напряженное внимание последующих поколений русских людей; не сомневаюсь, поэтому, в возможности появления своей, оригинальной, независимой от болгар повести о крещении Владимира и земли Русской» [Шахматов 2001: 115].

Владимир, познавший «*Бога сам*», призвал к этому своих людей, ставших новым христианским народом. Летопись обязана была утвердить богоизбранность новых, но не последних: «*и мы въ обновленье жизни поидемъ... Ветхая мимоидоша, и се быша нови люди христьянскими, избрани Богом*» [ПВЛ: 50], «*новые люди си, им же обратилъ еси сердце в разумъ, познати тебе, Бога истиннаго*» [ПВЛ: 54], «*нови людье, просвещении Святым Духом*» [ПВЛ: 58], «*радовашеся Ярославъ, а врагъ сетовашеться, побеждаемъ новыми людьми христьянскими*» [ПВЛ: 67].

Так «*събысться пророчество на Русьтеи земли*» [ПВЛ: 51], которое принадлежит призванному первым ученику Христа. Поэтому в летопись также вводится легенда об Андрее Первозванном, которому для апостольского служения был положен Восток с будущей Русью. «*Святый Ондрей, брат Петров*» [ПВЛ: 9], прорицавший почти за девять веков до Крещения Руси будущую славу Киева, «*яко на сих горах восияетъ благодать Божия*» [Там же], сообщил апостольское измерение Руси не только теологически, но и исторически. И вслед за летописцами уже Иван Грозный с уверенностью отстаивает самобытность церковных обрядов от апостола Андрея: «Греки нам не евангелие. Мы верим Христу, а не грекам. Мы получили веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат св. Петра, приходил в эти страны» [цит. по Карташев 1993: 49].

Желание «*причтется к великим языцем*» было чрезвычайно острым на Руси, поэтому в «Повести временных лет» встречается анахронизм — к князю Владимиру приходит философ по имени Кирилл, что даёт основание ряду исследователей отнести первое крещение Руси к хозарской миссии Кирилла (незадолго до 863 г.) [Карташев 1993; Трубочёв 1987]. А в Софийской кормчей XIII в. начало Устава князя Владимира свидетельствует о том, что он «*восприял святое крещение от грецкого царя и от Фотия патриарха царьгородьскаго*» [цит. по Карташев 1993: 92] — учителя Константина-Кирилла, который в своё время крестил болгарского царя Бориса. В этом символическом стремлении утвердиться на равных новому народу, способному «*истинныя благодети удержатъ учение*» [Ил: 38], было желание отстоять своё государство и церковь «от обидного и узкого круга аристократического деспотизма греков» [Карташев 1993: 160] и агрессивности католической церкви. Для древнерусского книжника реальным было осознание значимости своей земли, её славы и известности, причем Владимир получает более высокий статус, чем новый Константин: «*Хвалитъ же похвальными гласы Римская страна Петра и Паула... Похвалимъ же и мы, по силе нашеи, малыми похвалами велика и дивна сътворившааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеи земли, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже ... мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша вь странахъ многах, и победами и крепостью поминаются ныне и словуть. Не вь худе бо и неведомее земли владычствоваша, нъ вь Руське, иже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли*» [Ил: 44].

В связи с этим нравственная ответственность летописца перед Временем, Русской землей и Богом была чрезвычайно высокой, гораздо важнее истории как голого факта: он писал «священную книгу народов». Поэтому отклонения от прямой исторической линии были важны для летописи — они придавали событиям объёмность временного континуума, ибо накапливались и осмыслялись не только с точки зрения прошлого, но всегда оттачивались на оселке будущего — в величии которого не сомневались! Поэтому в летописи «нет и тени сознательной выдумки: все, что в ней описано, принималось летописцем за действительность — были ли то исторические, реально имевшие место события или содержание собственных верований летописца. Вот почему «Повесть временных лет» не только повествует о русской истории, но сама является одним из существеннейших проявлений русской жизни, русской истории, русской культуры той поры» [Лихачев 1996: 358].

Литература

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I–IV. Калуга: Золотая аллея, 1993.
2. Карташев А.В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1993. 686 с.
3. Лихачев Д.С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Изд-е 2-е, испр. доп. СПб.: Наука, 1996. С. 271-358.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 5 тт. Т. II. Поэмы. Сказки. Драматические произведения. Санкт-Петербург: Библиополис, 1993. 624 с.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 5 тт. Т. V. Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. 708 с.
6. Трубочёв О.Н. Несколько лингвистических глосс к моравско-паннонским жителям // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М.: Наука, 1987. С. 30–45.
7. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический Проект. Жуковский: Кучково поле, 2001. 880 с.

Источники

1. Ил — Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева и др. Т. 1 (XI–XII века). СПб.: Наука, 1997. С. 26–61.
2. ПВЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Изд-е 2-е, испр. доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с.

А. А. Валитов, И. С. Томилов, г. Тобольск

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И МОНАСТЫРИ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Последняя четверть XIX в. характеризуется бурным ростом церковных школ. Важное место в этом процессе сыграли монастыри, которые зачастую выступали форпостом православной культуры, особенно в среде инородческой.

В 1884 году утверждены «Правила о церковно-приходских школах», выведившие их из подчинения Министерства народного просвещения. Для заведования школами при Священном Синоде был учрежден специальный Училищный совет. При духовных семинариях учреждались образцовые начальные школы. Религиозному ведомству были также подчинены общинные элементарные «школы грамоты» и воскресные школы для взрослых. Предусматривалось создание одноклассных и двухклассных училищ со сроком обучения 2 и 4 года (в начале XX века курс был увеличен до 3 и 6 лет соответственно).

В 1885 г. церковно-приходские школы были открыты при Свято-Знаменском Абалакском, Иоанно-Введенском, Кондинском, Туринском, Тюменском, Троицком монастырях Тобольской епархии.

В Тюменском монастыре школа была открыта на 25 учеников, к 1886 г. число учеников увеличивается до 36, к 1900 г. в школе обучалось уже свыше 40 человек. Их образованием и воспитанием занимались: законоучитель — священник Василий Арефьев, учитель — бывший воспитанник Тобольской гимназии и купеческий сын Александр Севрюгин. В 1914 г. школа состояла уже из 2-х классов. 1 класс делился на старшую, среднюю и младшую группы. В старшей группе обучалось 8 человек (один из них был к тому же послушником в монастыре), в средней — 15 (двое также являлись послушниками), в младшей группе — 23 человека. Программа обучения состояла в изучении Закона Божьего, славянского учения, русского чтения, арифметики, чистописания. 2 класс монастырской церковно-приходской школы состоял из двух отделений [РГИА: Ф. 796. Оп. 442. Д. 1106. Л. 14об.; Д. 1809. Лл. 18об, 91].

Основные расходы на содержание школы возлагались на монастырь, но часть средств выделялась меценатами: тюменским купцом Молодых и женой тюменского купца Смогина. Ими вносилось по 450 и 120 руб. в год соответственно. В 1886 г. Смогина отдельно от взноса приобрела одежду и обувь для 20-ти бедных мальчиков, посещающих монастырскую школу.

В Кондинском монастыре школа была открыта на 20 человек, обучались в ней мальчики и девочки. Обучение мальчиков велось псаломщиком под руководством настоятеля Иоанникия II, а воспитанием девочек занималась супруга Тобольского земского заседателя Кузнецова